

Николас Харни

Восток получает свой средиземноморский порт: украинцы в Неаполе¹

Полевая запись, Неаполь, июнь 2008 г.:

Управление по делам иммигрантов скрыто в районе промзоны и территории железной дороги за площадью Гарибальди (Piazza Garibaldi), местом, где расположен главный городской вокзал. Каждое утро, несмотря на формальные попытки полиции упорядочить процесс получения иммигрантами permessi di soggiorno (разрешений на пребывание), у дверей офиса собирается беспорядочная очередь, которая, толкаясь, пытается проникнуть в здание. У меня была некоторая надежда на то, что хаос, который я видел в 2005 г., исчез в 2008 благодаря более умелой системе управления. Я был письменно извещен Министерством внутренних дел, что мне назначен прием на 9:10 утра, однако, когда я прибыл в офис, оказалось, что у толпы в двести

**Николас ДеМария Харни
(Nicholas DeMaria Harney)**

Университет Западной Австралии,
Перт, Австралия
Nicholas.Harney@uwa.edu.au

¹ В основе статьи лежит исследование, проведение которого стало возможным благодаря грантам, полученным от Университета Западной Австралии. Мне хотелось бы также поблагодарить факультет социологии Università degli Studi di Napoli за институциональную поддержку во время моей полевой работы. Терпение, понимание и помощь Владимира и Натальи Трыбушук были безграничными. Некоторые имена изменены в целях избежать вторжения в частную жизнь. Мне хотелось бы также поблагодарить Катриону Келли и Энди Байфорда за их поддержку и приглашение поучаствовать в плодотворной конференции «Миграция и диаспора» в Оксфорде в июле 2009 г.

человек, сгрудившейся вокруг двух полицейских, охранявших вход, прием назначен на то же самое время. После почти сорокапяти-минутного ожидания мне удалось проскользнуть сквозь полицейскую охрану с маленькой группой, состоявшей из пяти степенных украинок, семьи из Шри Ланки, украинца с его румынским другом, гидом или агентом. Каждый из нас получил номерок, чтобы выстроиться очередь на прием в комнате ожидания с редкими рядами пластиковых кресел и новым плоским телевизором, на котором улыбающиеся лица представителей местного сообщества рассказывали нам по-синхальски, по-украински, по-китайски и т.д., что нужно от нас полиции. Украинки, как оказалось, были едва знакомы, однако факт общего гражданства и общего опыта, не последней частью которого было некоторое время, проведенное в качестве незаконных мигрантов, позволил им мило поболтать друг с другом. Они были в ярости по поводу того, сколько времени потребовалось, чтобы им оформили разрешения на пребывание, хотя у них были собраны все документы и после многочисленных отсрочек министерство назначило им прием. Необходимость рано утром ехать на поезде из Сорренто и пропустить дневную работу делала их агрессивными и насмешливыми. Казалось, что итальянская полиция, нередко пренебрежительная, унизительно и агрессивно ведущая себя с мигрантами со Шри Ланки или из Африки, побаивалась немолодых украинок так, как обычно боятся разгневанную мать. Молодые украинки должны были как-то справляться с южным итальянским сексизмом, который экзотизировал светловолосую украинскую «инаковость», даже если этот сексизм был окрашен галантностью. Судя по тому, что я увидел, некоторые из этих молодых украинок выработали точно просчитанную кокетливость и, казалось, знали именно то, что нужно говорить, как смотреть, обращая выработанные по отношению к ним стереотипы в свою пользу, заставляя полицейских выполнять их просьбы — даже если между собой они хихикали по поводу своей мнимой власти.

Украинца и его румынского приятеля позвали к столу, который находился рядом с тем, к которому был вызван я. Оказалось, что у украинца были просроченные документы, разрешавшие ему краткосрочную работу в Германии, но документов для Италии у него не было; его румынский друг, выступавший в качестве переводчика, спросил полицейского, не может ли он использовать эти документы для получения действующей визы для «независимой работы» в Италии. Ответом было «нет», однако он может подождать следующей амнистии! На этом они поблагодарили полицейского и ушли, как я полагаю, чтобы отправиться в мир подпольного труда и незаконных мигрантов Неаполя.

Когда я уходил вместе с украинками, они показали мне несколько магазинов, предлагающих украинскую еду на площади Гарибальди

и в ее окрестностях и выдерживающих конкуренцию множущихся китайских, бангладешских и североафриканских магазинчиков, на сегодняшний день преобразивших местную коммерческую сферу.

Я начал статью с полевой записи, сделанной мною в Неаполе в 2008 г., поскольку здесь схвачено ощущение неуверенности и двойственности, которое переживают в этом портовом городе украинцы, прибывшие сюда в довольно большом количестве на рубеже тысячелетий. В данной статье я обращусь к целому клубку проблем, затронутых выше и включающих неупорядоченность статуса мигранта, необходимость работать на подпольном производстве и то, какое влияние оказывает гендер на «встраивание» украинцев в город и его окрестности¹. Неаполь — это глубоко историзированное пространство, обремененное местным патриотизмом, обладающее богатыми и живыми традициями. Спокойствие его нарушают насилие и сложные неформальные правила повседневной жизни, которые сплетаются с проблемой несостоявшегося государства (a flawed state). Все это побуждает украинцев к освоению нового знания и созданию необходимых связей.

При взгляде на украинских мигрантов в целом и попытке понять, как они выстраивают социальные сети, оказывается, что за последнее десятилетие они научились справляться с трудностями неаполитанской жизни настолько, что созданные ими социальные сети (включая помогающих им неаполитанцев) являются основным инструментом, благодаря которому мигранты находят работу, жилье и вообще возможность устроиться. Украинцы больше не приезжают без заранее найденных работы и жилья, даже если они все еще попадают в Италию по фальшивым визам или визам, которые не дают право на работу. В финале статьи речь пойдет об институционализации этого социального знания благодаря возникшей форме самоорганизации, которая свидетельствует о растущем уровне интегрированности украинцев и их хорошем знакомстве с неаполитанской жизнью.

Экономическая нестабильность Украины и целый ряд итальянских особенностей способствовали драматическому переселению украинцев в эту страну с конца прошлого века (1999—2000 гг.). Отсутствие жесткого пограничного контроля и нестрогое исполнение законодательства о мигрантах, коррупция или безразличие во всех секторах государственной власти, трудовые ниши для женщин средних лет, занятых в качестве

¹ Данное исследование является частью большого этнографического проекта, посвященного миграции в Неаполе.

сиделок для стареющего итальянского населения, периодические амнистии для беспаспортных мигрантов превратили Италию в привлекательное место для мигрантов [Harney 2006]. Колоссальные масштабы неформального экономического сектора открывают доступные рабочие места для мигрантов без документов [Reyneri 1999; 2004; Harney 2007].

Итальянские власти поздно пришли к пониманию того, что Италия стала местом наплыва мигрантов, так что вторая половина 1990-х гг. в целом прошла под знаком политики открытых дверей. Кроме того, Италия оказалась привлекательной для потенциальных незаконных мигрантов из-за стремления государства решить проблему длинной очереди ждущих разрешения на иммиграцию, а также неэффективности программ по легализации, действовавших на протяжении 20–25 лет [Pugliese 2002; Caritas 2004]. Показателем масштабов этого незаконного присутствия, а также привлекательности Италии для мигрантов без документов является то, что в рамках программы по легализации 2002 г. было подано свыше 700 тыс. прошений, почти все из которых были удовлетворены. Среди подавших прошения было много украинцев. Официально до амнистии в Италии насчитывалось свыше 14 тыс. украинцев, однако после амнистии их оказалось почти 113 тыс., что превратило их в четвертое по величине иммигрантское сообщество в Италии (132 581 резидентов [Caritas 2008: 13]).

В Кампании, столичным городом которой и является Неаполь, украинцы составляют 27,5 % от всех иностранцев, живущих в регионе. Бросается в глаза и то, что в конце 2001 г. в Кампании было зарегистрировано только 1817 украинцев, однако к 2003 г. их число достигло 31 042 чел., что сделало украинцев самой большой иммигрантской группой в регионе. Лишь недавно это число перекрыли румынские мигранты, воспользовавшиеся тем, что Румыния вошла в Европейский союз [Tgani 2008: 408; 2004: 424]. Однако целый ряд украинцев, с которыми я беседовал и которые вовлечены в дела сообщества, выражали скептицизм по поводу этих цифр и указывали, что эта цифра по меньшей мере в два раза выше.

В одном из исследований, посвященных Неаполю, отмечено, что на сотню мигрантов приходится тридцать два незаконных [Cesareo 2009: 14]. В той же самой работе приведена цифра нелегалов среди украинцев в Италии в целом — 23,4 %. Таким образом, у двадцати трех человек из каждой сотни украинских мигрантов отсутствуют документы, выданные итальянскими властями [Blangiardo 2009: 52].

Как бы то ни было, восточно-европейские страны стали основным источником иммиграции в Италию за последние десять

лет. Из двадцати крупных стран, выходцы из которых официально живут в Италии, иммигранты из семи стран Восточной Европы составляют 43 % от всех мигрантов, причем наибольшее число приехало из Румынии, Польши, Молдовы и Украины [Cesareo 2009: 11]. Демография украинской миграции также оказывается поразительной. Средний возраст украинского мигранта в Италии — старше сорока, и свыше 80 % этой миграционной группы составляют женщины, причем женский труд часто оказывается единственным надежным экономическим ресурсом для мужей и детей, оставшихся дома [Montefusco 2008]. Эта тенденция соответствует феминизации труда, зафиксированной в недавних исследованиях, посвященных миграции в целом [Andall 2000; Ehrenreich, Hochschild 2003].

Гендерная асимметрия украинской миграции привлекает внимание к некоторым вопросам, возникающим при описании опыта, приобретенного украинцами в самом большом городе юга Италии. Украинские мигрантки активно ищут и устанавливают отношения с муниципальными властями, профсоюзами, политическими партиями, международными организациями (например, с Международной организацией по миграции, занимающейся проблематикой нелегальной миграции и торговли людьми) и местными средствами массовой информации в своем стремлении бороться с некоторыми формами неинтегрированности, несправедливости, а также трудностями, с которыми сталкиваются их соотечественники.

В Неаполе благодаря поискам финансовой поддержки, связям с местными итальянскими политиками, а также их собственной работе на общественных началах Объединенная итальянская ассоциация украинских женщин (AIUDU) организовала субботнюю / воскресную украинскую школьную программу. Она создана главным образом на общественных началах и на деньги украинок, но помещение предоставлено местной политической партией, а некоторое количество денег для организации начинания получено от местных властей. Муж одной из женщин, входящих в ассоциацию, рассказал мне о трудной работе по доставке школьных учебников из Украины, буквально в чемоданах. У него на родине есть друг-учитель, через которого им удалось получить книги для языковых занятий в рамках программы, созданной сообществом на периферии Неаполя, в пригороде Джулиано.

Кроме организационной поддержки, оказываемой ассоциацией взаимопомощи, важную роль в Неаполе играет Украинская католическая церковь, несмотря на то что она зависит от помещения, предоставляемого Римско-католической церковью. Следует отметить, что Итальянская католическая церковь (че-

рез официальную католическую благотворительную организацию “Caritas”) также активно взаимодействует с украинцами, благодаря многочисленным программам, связанным с мигрантами.

Мигранты считают, что до декабря 2004 г. украинские власти не слишком интересовались теми, кто покинул родину, и не помогали им. Некоторые информанты отметили, что выборы 2004 г. стали поворотным пунктом, что ознаменовалось предвыборным визитом в Неаполь Юлии Тимошенко для консультаций с украинскими мигрантами по поводу встающих перед ними проблем. На сегодняшний день у украинского правительства есть посольства в Риме и Ватикане, а также консульства в Милане и Неаполе. Открытие в 2008 г. консульства в Неаполе стало свидетельством не только значительного присутствия в городе украинских сиделок и домработниц, но и большого их числа на Амальфийском берегу в Сорренто и близлежащих городах.

Незаконная миграция и подпольная экономика

Поскольку, используя методики, к которым прибегают государства, подсчитать количество незаконных мигрантов невозможно, а многие социологические исследования «паразитируют» на данных, предоставляемых властями, данный феномен едва ли можно считать адекватно понятым. Тем не менее статистические данные, собранные в рамках программ по легализации, указывают на масштабы данной проблемы в Италии. Конечно, протяженное итальянское побережье дает возможность для нелегального проникновения в страну, однако более распространенная тенденция заключается в том, чтобы сначала попасть в страну законным образом, а затем остаться в ней дольше разрешенного визой времени или нарушить условия, найдя работу [Pastore et al. 2006: 98; Black 2003; Düvell 2008].

В результате полевых исследований миграции и подпольной экономики в Неаполе я выяснил, что большинство мигрантов, с которыми я встречался, въехали в Италию на законных основаниях, однако стали нелегалами из-за изменений в законе, просрочили визы или не соблюдали условия пребывания, которые предполагала их виза. Например, наиболее распространенной стратегией, которую использовали знакомые мне украинские мигранты, было получение туристических виз. Эти визы заканчивались по истечении определенного времени или становились недействительными, если люди находили работу, чего не позволял этот тип виз.

Я приехала в 2000 г. с мыслью пробыть здесь только год. Я не говорила по-итальянски. Моя тетя уже работала здесь сиделкой

(badante) у пожилой итальянки. На Украине было слишком трудно найти хорошую работу. Я была инженером. Я не могла найти работу, а когда смогла, то этого не хватало для нас (семьи). Мой муж был без работы и все время пил, потому что у него была депрессия. Поэтому я искала туроператора, который сделал бы мне туристическую визу. Я оставила на Украине детей на попечении моих родителей. Это было время, когда многие получали туристические визы, а сами оставались, поэтому туроператоры стали осторожнее. Наконец я нашла одного и заплатила 500 евро. Обычно это стоит всего около 300, однако остальное пришлось заплатить за подготовку всех документов, а также для того, чтобы заплатить всем, кому нужно. До того как Польша стала членом ЕС, это могло стоить до 3000 евро с человека, а теперь это стало намного проще, всего около 300. Все, что вам нужно сделать, это пересечь границу Польши. Вы обо всем этом узнаете из слухов. У каждого, кто приезжает сейчас, есть связи. Я помню, мы остановились только для того, чтобы помыться и выпить кофе. Я очень нервничала и старалась не говорить по-украински, но я знала всего несколько слов по-итальянски с тех времен, когда занималась музыкой, учась в школе (Гатьяна).

Двусмысленность статистики миграции окажется еще более очевидной, если сопоставить ее с социально-экономическим контекстом Неаполя, самого большого города итальянского юга, а также основного транзитного пункта в поисках незаконной работы, где можно заработать деньги для дальнейшего передвижения в другие части страны. Верно это или нет, но неаполитанские полиция и общество считаются у мигрантов менее расистскими, менее антииммигрантски настроенными, менее заинтересованными в строгом соблюдении иммигрантского законодательства, чем полиция и общество Севера Италии [Harney 2006]¹. Неаполь привлекает иммигрантов из-за слухов об отсутствии жесткости в повседневных контактах, а также возможностях, которые предоставляет подпольный рынок труда.

Я считаю, что слухи в данном случае действуют как способ распространения знания. Особо подчеркивая распределение информации, подобный взгляд на слухи фокусируется на основополагающем значении коммуникативного эффекта. Слухи функционируют как паллиатив новостей в ситуации отсутствия более формализованных и верифицируемых источников. Они предлагают интерпретационную сетку для тех, кто участвует в их распространении. В этом смысле их можно рассматривать

¹ Несмотря на репутацию вседозволенности, Италия на самом деле депортирует людей (65 тыс. в 2003 г.; 88,5 тыс. в 2002 г.); в Италии есть также 15 центров, где мигрантов содержат перед депортацией; эти центры стали предметом резкой критики «Врачей без границ» [Schuster 2005: 614].

как способ использования людьми ограниченного знания, которым они обладают, для решения проблем, истолкования перемен, для того чтобы справляться с нестабильным характером ситуаций, а также порождения объяснительных нарративов перед лицом переменчивых и двусмысленных ситуаций [Allport, Postman 1947; Stewart, Strathern 2004; Harney 2006]. Слухи нарастают в контексте скудной информации и вытекающей отсюда тревоги, которую чувствуют представители «публики слухов» из-за нехватки знаний; однако слухи являются убедительными, будучи соотнесенными с опытным знанием тех, кто составляет публику, их распространяющую [Kapferer 1990; Harney 2006].

Неофициальные трудовые возможности в Неаполе являются существенными. К 2005 г., по общим оценкам, в Кампании находилось 128 049 легально проживающих иностранцев, причем более половины из них — в Неаполе [Caritas 2005]. Перед городом стоит много проблем и задач: нелегальные предприятия, клиентелизм, политическая коррупция, неконтролируемая спекуляция собственностью, плохое планирование, уличная и организованная преступность (Каморра, неаполитанская мафия), а также сверхзависимость от центральных властей в получении финансовой помощи [Allum 2003; Rossi 2004].

Официальные цифры безработицы в Неаполе указывают на серьезные социальные и экономические трудности, с которыми сталкиваются жители города: общая цифра — почти 25 %, 15 % — среди представителей возрастной категории 30–64 года, что в три раза больше, чем в среднем по стране. Более существенны, однако, показатели тех, кому 15–24 года — 65 % [IRES Campania 2004: 3]. Подобные цифры указывают на наличие подпольной экономики, которая поддерживает не очень надежным образом как тех, у кого нет работы, так и тех, у кого она есть. Будучи транспортным центром с международным морским портом и главным железнодорожным узлом Италии, город предлагает возможности для неофициального труда тем, кто готов работать в сельском хозяйстве, обслуживании домашнего хозяйства, на мелком ремесленном производстве, в сфере уличной торговли, услуг и строительстве.

Одной из поразительных черт мигрантского присутствия в Неаполе является то, насколько развито представление о существовании четких этнических трудовых ниш. Сенегальцы, пакистанцы и бангладешцы работают уличными торговцами. Выходцев из Шри Ланки, филиппинцев, доминиканцев и украинок нанимают сиделками, нянями и домработниками. Западные африканцы работают дневными рабочими на стройке. Китайцы занимают нишу оптовой торговли одеждой, дешевой электро-

ницей и игрушками, хотя некоторые занимаются уличной торговлей.

В Неаполе, да и Италии в целом, процветают стереотипы, касающиеся культурных достоинств и недостатков каждой группы. Украинкам удалось утвердиться в роли домработниц отчасти потому, что в Неаполе считается, что, будучи в культурном отношении европейцами, они замечательно справляются с организацией домашнего хозяйства. Им не требуется (или так считается) постоянного присмотра и указаний, которые нужны домработницам со Шри Ланки и Филиппин.

Подпольная, скрытая, теневая или неформальная экономика складывается из целого ряда экономик и типов неформальной деятельности; кроме того, она демонстрирует разные особенности и разную динамику в разных областях Италии. По оценке премьер-министра Берлускони, оборот этой экономики составляет 40 % итальянского ВВП. МВФ говорит, что более правдоподобно, о 27 %, а официальная статистика Италии — о 15 % [ISTAT 2004]. Считается, что один из четырех человек в Кампании работает на подпольную экономику [SVIMEZ 2005: 100]. Подпольная экономика включает такие практики, как уклонение от налогов и отчислений для пенсий, несоблюдение законодательства, касающегося трудовых контрактов, правил охраны труда и здоровья на рабочем месте. Она включает также виды деятельности, не предусмотренные государством, и / или не следует установленным нормам и законам [Williams, Windebank 1998; Reyneri 2004; Portes et al. 1989; Estelle Smith 1989]. Однако стремление провести четкую границу между подпольной и официальной экономикой не позволит увидеть ту гибкость, которая характеризует взаимоотношения между легальной и нелегальной экономической деятельностью мигрантов в Италии, а также ее связи с разрешением на пребывание.

Связь работы в рамках нелегальной экономики со статусом мигранта обладает пагубными последствиями для украинок, работающих сиделками, домработницами, поварами и уборщицами, причем нередко они выполняют все эти работы сразу. От целого ряда мигрантов я слышал почти одну и ту же историю о том, как они нашли свою первую работу, причем детали найма различались весьма незначительно.

Анна приехала по десятидневной туристической визе и осталась в Неаполе работать сиделкой при 83-летней старике; эту работу она нашла через двоюродную сестру, которая к этому времени уже нелегально работала в качестве домработницы в Неаполе. К несчастью, после двух недель приготовления пищи, уборки, наблюдения за приемом лекарств и мытья старика его сыновья велели ей убраться и отказались платить.

Только после вторичного вмешательства двоюродной сестры она смогла найти работу в другой неаполитанской семье, где условия труда были лучше. Однако даже в этом случае, когда она попросила своих нанимателей подать прошение о ее легализации во время амнистии 2002 г., они очень не хотели этого делать, поскольку боялись, что им придется платить взносы социального страхования. В конце концов ее наниматель сдался, однако под тем условием, что все расходы по легализации, проценты нанимателя и социальное страхование (70 %) оплатит Анна. Для нее, хотя она и была разгневана этими условиями, возможность изменить свой статус стоила этих денег.

Елена также считает работу в подпольной экономике (необходимой) чертой неаполитанской жизни: *Я получила легальный статус в 2003 г. после двух лет работы в качестве clandestina [незаконного мигранта]. Приятельница с Украины сказала мне, что там есть работа. Теперь я работаю прислугой у десяти разных семей в неделю. Главным образом я убираю и делаю для них покупки. Мне платят почасовые, поэтому я хорошо могу организовать мою неделю. Мне остается только воскресенье. Я нашла всех их (нанимателей) через друзей, связи. Их всех хорошо знаю. Если ко мне плохо относятся, я ухожу и нахожу другую работу. У меня есть контракт только с двумя из них. Все что мне нужно — 25 часов в неделю, чтобы обновить свое разрешение на пребывание (permesso di soggiorno), поэтому зачем претендовать на большее, если тебе понадобится больше платить. Я оплачиваю пенсионные взносы и социальное страхование, поэтому, если я буду регистрироваться на более длительное время, я буду больше платить. Предполагается, что мы платим 30 %, а наниматель — 70 %; однако они (итальянцы) могут найти clandestina, которая хочет работать, а они не должны платить ничего, что гораздо проще для нанимателей. В Италии есть законы, но, к несчастью, они не действуют. Нигде нет никакого контроля. И для нас, и для итальянцев было бы лучше, если бы производились все выплаты по социальному страхованию, а система работала бы, но она не работает, так что какой у вас выбор?*

И от украинцев, и от неаполитанцев я слышал историю о том, как итальянские наниматели могут обходить официально зарегистрированные экономические отношения. В Италии для получения разрешения на пребывание мигрант должен иметь трудовой контракт. Итальянские наниматели готовы предоставить мигранту контракт о найме непосредственно перед тем, когда ему понадобится продлить свое разрешение на пребывание. Нередко после этого условия труда опять начинают строиться на неформальной основе, так что наниматель может не платить налоги и страховку.

Анализ экономического эффекта денежных переводов, осуществляемых украинской диаспорой, выходит за рамки настоящей статьи, однако украинцы, с которыми я беседовал, не оставляют сомнений в том, насколько веской причиной работы в Неаполе являются оставшиеся на Украине родственники. Деньги посылаются регулярно для того, чтобы поддерживать детей, мужей и родителей. Поддержка семьи оказывается не единственным вложением денег. Многие говорят о строительстве дома и создании предприятий малого бизнеса. Одна из респонденток даже стала инициатором международного делового начинания вместе с оставшейся дома семьей. На Украину сестре, владелице небольшой фирмы, она посылала итальянскую кожаную обувь. Все шло хорошо до тех пор, пока неаполитанский поставщик не стал разбавлять высококачественную обувь продукцией более низкого качества.

Денежные переводы домой в качестве «предпринимательского» или «инновационного» инструмента хорошо вписываются в неолиберальную рыночную идеологию. В качестве финансового механизма в последние годы они превратились в ходовую общепризнанную панацею социально-экономического развития, как считают стратеги из МВФ, Всемирного банка, а также стран-спонсоров в Европе и Америке [Ratha 2003; Hernandez, Coutin 2006]. Основываясь на данных по балансу денежных выплат, собранных МВФ, Всемирный банк полагает, что в 2005 г. денежные переводы в развивающиеся страны составляли \$ 167 млрд, однако при этом признает, основываясь на экономических моделях и исследовании семейных бюджетов, что неформальные и нефиксируемые потоки могут «при консервативной оценке добавлять 50 % (или более того) от зафиксированных денежных потоков» [World Bank 2006: xiii, 106].

Многие украинцы, с которыми я встречался, все еще посылают деньги в пакетах и с курьерами на автобусах из-за общего недоверия к итальянским банковским институтам, а также из-за незнания об их существовании. Эти мигранты не верят не только итальянцам. Людмила на мой вопрос о способе пересылки денег семье ответила: «Иногда я посылаю деньги через Вестерн Юнион, который является наиболее надежным, однако у меня не осталось доверия к украинским банкам. Никогда не кладите деньги в украинский банк».

Транспортные сети, состоящие из легковых автомобилей, автобусов, грузовиков и самолетов, предоставляют легальные и нелегальные возможности для перевозки людей, пакетов и денежных переводов. По оценкам некоторых лидеров сообщества, из Италии на Украину в качестве денежных переводов посылают около 20 млн евро в год. Когда их спрашиваешь

о том, как они получили эту цифру, они улыбаются и говорят, что знают украинского премьер-министра! Движение денег и людей осуществляется по тем же самым путям. Для того чтобы попасть в Неаполь, лучше всего ехать автобусом через Польшу, Германию и Австрию или же через Венгрию и Словению. Цена билета на автобус не превышает 110 или 150 евро (в 2008 г.).

Вера рассказывает, что она стала делать, попав в Неаполь, и как она связывалась с домом.

Когда я приехала в Неаполь, я повстречалась с одним украинцем. Слухом земля полнится. Я не назвала бы его земляком, потому что на самом деле он кусок дерьма — однако в это время он нам помог. Он сделал кучу денег на новоприбывших между приблизительно 1999 и 2004 гг., но теперь эта система больше не работает. У украинских мигрантов теперь гораздо больше связей и знаний. На сегодняшний день мы (украинцы) стали более умудренными опытом, у нас больше связей, а кроме того, существует больше возможностей выбора. Сейчас, если я узнаю, что есть работа, я позвоню домой и устрою это для своих. Как бы то ни было, мы с моим братом встретились с этим человеком на Пьяцца Гарибальди и за триста американских долларов каждому он предложил нам работу в пиццерии. Мы проработали там пять месяцев, а после этого стали искать работу получше. Теперь у меня хорошая работа домработницы для четырех семей в Вомеро (Неаполь). Деньги, которые я зарабатываю, я иногда прячу в пакеты с одеждой, книгами, итальянскими сладостями, открытками, фотографиями, которые я посылаю очень часто моей семье. Все украинцы Неаполя встречаются на виа Брин каждое воскресенье утром. Мы ждем автобусов, курсирующих между Италией и Украиной. Чаще всего большие суммы я даю напрямую водителю, который берет 5 %. Кроме того, ему нужно заплатить таможене на Украине. В полдень я встречаюсь с друзьями в парках вроде Вилла Коммунале или Вилла Флоридиана; мы устраиваем пикники и беседуем о новостях с родины, о наших детях и здешних проблемах.

От сиделки к социальному предпринимателю

С момента первой значительной волны мигрантов-украинцев в Италии прошло девять лет. Как становится ясно из вышеизложенного, украинцы постепенно выработали знания, навыки и связи для разрешения проблем, связанных с миграцией и обустройством в Неаполе. Для меня как исследователя миграции в традиционных поселенческих обществах, таких как Канада и Австралия, одной из интригующих особенностей неаполитанской сцены стало то, как возникают формы мигрантского

сообщества на фоне клиентелизма и плохой работы итальянских институций. В последнем разделе статьи мне хотелось бы обратиться к примеру самоорганизации украинцев в Неаполе.

Почти тридцать лет назад Кроуфорд Янг [Young 1976] привлек наше внимание к тому, что он назвал «культурными предпринимателями» (“cultural entrepreneurs”) в своем исследовании средних классов в только что образовавшихся африканских государствах, использовавших культуру для мобилизации этнической солидарности. Сегодня многое из того, о чем он говорил, можно было бы назвать нарождающейся социальной инициативой или международной деятельностью диаспор, однако данные процессы также неплохо соотносятся с классическими мигрантскими ассоциациями взаимопомощи [Harney 1998; Pierre-Louis 2006; Winland 2007]. Будучи группой очень хорошо образованных мигрантов, украинские женщины выработали необходимые знания, навыки, а также стремление к деятельности по самоорганизации. Классовое знание о социальных сетях и о том, как функционируют бюрократия и институции, хорошо подготовило украинских мигранток для взаимодействия с социальным и политическим пространствами Неаполя, как только они выработали чувство системы и оказались готовы преодолеть некоторые социальные и психологические проблемы миграции.

Елена отмечает:

Хозяйка дома, в котором я работала в качестве прислуги, всегда представляла меня своим друзьям как инженера. Поначалу я испытывала чувство стыда, поскольку работала прислугой, однако я поняла, что я работаю и что сама работа дает мне что-то вроде удовлетворения. Это было большим препятствием, однако как только я победила свой стыд, я думаю, это что-то вроде классового стыда, я начала использовать мои знания, чтобы помочь другим украинкам и другим мигрантам. Теперь я думаю, какой глупой я была.

Я также думаю, что в данном случае переплетение расы / гендера / класса сыграло свою роль в успехе социального антрепренерства. Если мы посмотрим на карту мигрантского присутствия в Неаполе, мы увидим, что украинские мигранты — европейцы, хорошо образованные, имеющие на попечении детей — выступают в более выгодном свете на фоне предрасположенностей и предрассудков, которые есть у итальянцев по отношению к мигрантам и мигранткам из черной и Северной Африки, албанцам, а также таким «экзотическим» пришельцам, как китайцы, пакистанцы и бангладешцы. Тем не менее, как отмечено в приведенной в начале статьи полевой записи, украинцы должны были научиться взаимодействовать с патри-

архальным обществом, обладающим пагубными и устойчивыми стереотипами относительно женщин из северо-восточной Европы. Когда украинки отстаивали независимость в качестве ценности в мире труда и человеческих взаимоотношений, многие итальянские мужчины (и женщины) расценивали это как сексуальную распущенность, независимо от того, насколько верной может быть подобная ассоциация.

Во всяком случае, импульсом для организации украинских женщин в периферийном пригороде Неаполя Джулиано, где многие из них живут, стало использование языка в качестве основного культурного механизма для обучения украинских детей, живущих в Неаполе. Мотивами создания организации были страх того, что их дети рискуют потерять культуру и язык, и возможность найти место, где украинские женщины смогут обсуждать и решать проблемы, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни в Неаполе. Идея Объединенной итальянской ассоциации украинских женщин (l'Associazione Italiana Unione Donne Ucraine, AIUDU) возникла за обедом, который устроили основательницы (бывшие незаконные мигрантки, легализовавшиеся в 2002 г.) с помощью итальянских друзей, знакомых с общественной жизнью Неаполя. В глобальном масштабе организация также стала аффилированной с Федерацией ассоциаций украинских женщин, благодаря чему во время визита в Италию с ее работой познакомился украинский премьер-министр.

В 2004 г. в течение непродолжительного времени AIUDU использовала помещение, предоставлявшееся ей в Джулиано на несколько часов каждое воскресенье Левой Демократической партией, для организации украинской школы, программа которой включала язык, религию и музыку. Они официально наняли украинскую учительницу с соответствующим сертификатом для преподавания этих предметов. По будним дням она, конечно, работала прислугой. Позднее ассоциации помогли небольшие гранты от местной общины и провинции Неаполя; по большей части организация существует благодаря деньгам мигранток, их пожертвованиям и свободному времени. Ассоциация включает в качестве членов около тридцати семей и еще приблизительно восемьдесят человек, платящих взносы и являющихся активными членами; однако опять-таки статистика в данном случае оказывается ненадежной, поскольку, как сказала нам одна из функционерок ассоциации, «у нас сотни и сотни пассивных членов, которые приходят на наши праздники, за советом, поболтать или чтобы мы им помогли продлить разрешение на пребывание в стране. Было время, когда у нас была учебная программа не только для украинцев, но и для итальянцев и других иммигрантов, но теперь на это нет денег».

На начальном этапе усилия сообщества поддерживались взволнованной реакцией диаспоры на оранжевую революцию на Украине. Президент ассоциации Наталья Трыбушук в течение непродолжительного времени вела новостную программу на украинском языке на местном неаполитанском телевидении. Содержание программы фокусировалось не только на новостях из Украины, но и на вопросах интеграции. Президент ассоциации хорошо знает свое дело. В 2000 г. она нелегально приехала в Италию с юной дочерью и стала работать прислугой, хотя и получила образование инженера-эколога. Наталья умело и с удовольствием делает свою общественную работу для украинцев и других мигрантов. На сегодняшний день многие представители неаполитанского социального и политического класса ищут ее советов и помощи. Кроме того, она работает в центре помощи иммигрантам (*uno sportello assistenza immigrati*) провинции Неаполь.

Заключение

В 2008 г. социально-политическая и экономическая ситуация в Неаполе стала еще более тяжелой, чем предполагали ранее. Постоянная проблема организованной преступности осталась острой и проявилась весьма драматически в неспособности политического класса решить вопрос об уборке мусора, а также в конце сентября, когда случайными выстрелами были убиты шесть африканских мигрантов, возвращавшихся домой с работы. Губернатора региона, некогда популярного сторонника реформ, подозревали в коррупции или как минимум в намеренном игнорировании проблемы. Городской совет был пронизан коррупцией. Один из советников покончил с собой из-за слухов, касавшихся его связей с организованной преступностью. Мигранты опасались враждебности итальянцев, а риторика правительства Берлускони становилась все более и более антииммигрантской.

Именно в это время мне случилось проводить этнографическое исследование на территории к северу от Неаполя вдоль автобусного маршрута, по которому в регион добирались две наиболее заметные группы мигрантов — украинки и африканцы. Обе группы волновало, что сможет в будущем предложить им Неаполь; однако украинки чувствовали себя более уверенными относительно места и своего будущего. Украинская прислуга в Неаполе все еще испытывает немалые проблемы. Между тем я не случайно привел подробности деятельности украинок по самоорганизации, чтобы подчеркнуть, что перед лицом дисфункции государства и ненадежности своей трудовой ситуации украинки как группа выработали организаци-

онные формы (как формальные, вроде Ассоциации, так и неформальные, вроде социальных сетей, по которым распространяются сведения о работе), для того чтобы справиться с действительностью неаполитанской системы. В данном контексте самыми важными становятся решения, касающиеся дома и принадлежности.

Елена, женщина, с которой я часто беседовал, когда она ехала на работу на автобусе, пояснила: *Я здесь уже почти десять лет. Я достаточно сделала, чтобы мои дети окончили университет и мы строили дом. Было бы замечательно уйти на пенсию в этом теплом климате в Сорренто, но я думаю, что я поеду домой когда-нибудь, скоро. Не знаю когда. Здесь хаос. В любом учреждении решение любой проблемы занимает вечность; однако неаполитанцы очень отзывчивые люди, как только ты начинаешь их понимать. Я очень буду скучать по этому месту. Я думаю, что всегда как-нибудь смогу продлить разрешение на пребывание. Когда я проделала ту поездку на автобусе, я не думала, что она никогда не кончится.* Она засмеялась и добавила: *И вы берете у меня интервью в автобусе.*

Библиография

- Allport G.W., Postman L.* The Psychology of Rumour. New York: Russell and Russell Publishers, 1947.
- Allum P.* Napoli punto e a capo. Napoli: L'ancora del mediterraneo, 2003.
- Andall J.* Gender, Migration and Domestic Service. The Politics of Black Women in Italy. Aldershot: Ashgate, 2000.
- Black R.* Breaking the Convention: Researching the "Illegal" Migration of Refugees to Europe // Antipode. 2003. Vol. 35. No. 1. P. 34–50.
- Blangiardo G.* 'An Updated Picture and Prospects concerning the Quantitative Aspects of Foreigners' Presence in Italy // V. Cesareo (ed.). The Fourteenth Italian Report on Migrations. 2008. Milan: Polimetrica Publisher, 2009. P. 39–64.
- Caritas. Immigrazione Dossier Statistico 2003. Rome: Nuova Anterem, 2004.
- Caritas. Immigrazione Dossier Statistico 2005. Rome: IDOS, 2005.
- Caritas. Immigrazione Dossier Statistico 2008. Rome: IDOS, 2008.
- Cesareo V.* Migrations in 2008: A Comprehensive Picture // V. Cesareo (ed.). The Fourteenth Italian Report on Migrations. 2008. Milan: Polimetrica Publisher, 2009. P. 9–28.
- Düvell F.* Clandestine Migration in Europe // Social Science Information. 2008. Vol. 47. No. 4. P. 479–497.
- Ehrenreich B., Hochschild A.R.* Global Woman: Nannies, Maids and Sex Workers in the New Economy. New York: Metropolitan Books, 2003.

- Estelle Smith M.* The Informal Economy // S. Plattner (ed.). *Economic Anthropology*. Stanford: Stanford University Press, 1989. P. 292–317.
- Harney N.* Transnationalism and Entrepreneurial Migrancy in Naples, Italy // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2007. Vol. 33. No. 2. P. 219–232.
- Harney N.* Rumour, Migrants in the Informal Economies of Naples, Italy // *International Journal of Sociology and Social Policy*. 2006. Vol. 26. No. 9–10. 2006. P. 374–384.
- Harney N.* Eh, Paesan! Being Italian in Toronto. Toronto: University of Toronto Press, 1998.
- Hernandez E., Coutin S.* Remitting Subjects: Migrants, Money and States // *Economy and Society*. 2006. Vol. 35. No. 2. P. 185–200.
- IRES Campania. Provincia di Napoli indicatori socio-economic. Napoli: Quaderni di Novus Campus, 2004.
- [ISTAT 2004] Istituto Nazionale di Statistica. La misura dell'economia sommersa secondo le statistiche ufficiali. Rome: ISTAT, 2004.
- Kapferer J.* Rumor in the Stock Exchange // *Communications*. 1990. Vol. 52. P. 61–84.
- Montefusco C.* Ukrainian Migration to Italy // *Journal of Immigrant and Refugee Studies*. 2008. Vol. 6. No. 3. P. 344–355.
- Pastore F., Monzini P., Sciortino G.* Schengen's Soft Underbelly? Irregular Migration and Human Smuggling across Land and Sea Borders to Italy // *International Migration*. 2006. Vol. 44. No. 4. P. 95–188.
- Pierre-Louis F.* Haitians in New York City: Transnationalism and Hometown Associations. Gainesville: University Press of Florida, 2006.
- Portes A., Castells M., Benton L.* The Informal Economy. *Studies in Advanced and Less Developed Countries*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1989.
- Pugliese E.* L'Italia tra migrazione internazionali e migrazioni interne. Bologna: Il Mulino, 2002.
- Ratha D.* Workers' Remittances: An Important and Stable Source of External Development Finance // World Bank, *Global Development Finance 2003: Striving for Stability in Development Finance*. Washington DC: The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, 2003. P. 157–175.
- Reyneri E.* The Mass Legalization of Migrants in Italy: Permanent or Temporary Emergence from the Underground Economy? // M. Baldwin-Edwards, J. Arango (eds.). *Immigrants and the Informal Economy in Southern Europe*. L.: Frank Cass Publishers 1999. P. 83–104.
- Reyneri E.* Immigrants in a Segmented and Often Undeclared Labour Market // *Journal of Modern Italian Studies*. 2004. Vol. 9. No. 1. P. 71–93.
- Rossi U.* The Multiplex City. The process of urban change in the historic centre of Naples // *European Urban and Regional Studies*. 2004. Vol. 11. No. 2. P. 156–169.

- Schuster L.* A Sledgehammer to Crack a Nut: Deportation, Detention and Dispersal in Europe // *Social Policy & Administration*. 2005. Vol. 39. No. 6. P. 606–621.
- Stewart P.J., Strathern A.* *Witchcraft, Sorcery, Rumours and Gossip*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- SVIMEZ. Rapporto 2005 sull'economia dell' Mezzogiorno. Roma: Associazione per lo sviluppo dell' industria nel Mezzogiorno, 2005.
- Trani G.* et al. L'immigrazione in Campania nel 2003 // *Caritas Immigrazione Dossier Statistico 2003*. Rome: Nuova Anterem, 2004. P. 423–430.
- Trani G.* et al. Campania. Rapporto Immigrazione 2008 // *Caritas Immigrazione Dossier Statistico 2008*. Rome: IDOS, 2008. P. 407–414.
- Williams C., Windebank J.* *Informal Employment in the Advanced Economies: Implications for work and welfare*. L.: Routledge, 1998.
- Winland D.* *We are now a Nation. Croats Between 'Home' and 'Homeland'*. Toronto: University of Toronto Press, 2007.
- World Bank. *Global Economic Prospects. Economic Implications of Remittances and Migration 2006*. Washington, DC: The World Bank, 2006.
- Young C.* *The Politics of Cultural Pluralism*. Madison: The University of Wisconsin Press, 1976.

Пер. с англ. Аркадия Блюмбаума